

Андрей Соболев

Шаг назад

Андрей Соболев

Шаг назад

«Автор»

2026

Соболев А.

Шаг назад / А. Соболев — «Автор», 2026

Андрею сорок два. Долги, суды, рухнувший бизнес. Жена молчит, дети отводят глаза. В конце августа 2026 года он выходит на балкон десятого этажа — и разжимает руки. А просыпается в августе 1991-го. В теле семилетнего мальчика. В своём родном городе. В своём старом доме. С полной памятью о том, что было — и что будет. Он знает всё. Кто умрёт. Кто сопьётся. Кто уедет. Когда рухнет страна. Где будут деньги. Он знает каждый шаг — свой и чужой. Но он — ребёнок. И ему никто не верит. Чтобы выжить, он должен играть роль. Молчать. Быть как все. И ждать. Тридцать пять лет. Целую жизнь. Можно ли менять прошлое — или ты просто повторяешь себя, зная финал?

© Соболев А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Соболев

Шаг назад

Глава 1

Глава 1. Балкон

Андрей проснулся раньше всех.

За окном стоял густой серый рассвет — такой, когда небо похоже на мокрое одеяло, а город ещё не проснулся и только редкие машины шуршали по асфальту. Понедельник. В квартире было тихо: Саша спал в своей комнате, Женя — в своей, Светлана дышала рядом, ровно и глубоко.

Он лежал и слушал эту тишину. Потом встал.

Подожёл к окну. Прислонился лбом к холодному стеклу. Долго смотрел на пустую площадку, на мокрые берёзы, на серое небо, в котором не было ни единого просвета.

И понял, что больше не хочет.

Не то чтобы он решил. Просто в какой-то момент это стало очевидным — как очевидно бывает, что осень кончилась и пришла зима. Проблемы навалились с новой силой: долги, суды, звонки, письма. Всё, что тянулось месяцами, сжалось в один тугой ком и легло на грудь.

Потом вспомнил Сашу.

Саша — лучший друг. Близкий. Был. Полтора года назад его не стало. Андрей помнил похороны: февраль, серое небо, редкие снежинки. Помнил, как стоял у могилы и смотрел, как гроб опускают в яму. Помнил, как думал: я не успел. Не позвонил, не приехал, не сказал чего-то важного.

И сейчас, у окна, он подумал: как плохо, что ты умер. Ты бы сейчас был так нужен.

Он постоял ещё немного. Потом пошёл на кухню.

Пусто. Тихо. Только холодильник гудит.

Он поставил чайник. Достал кружку. Ту самую, с трещиной. Бросил в неё пакетик чая.

За спиной — шаги. Лёгкие. Сонные.

Светлана вошла. Растрёпанная. В халате. Глаза ещё не открылись до конца.

— О, ты уже встал, — сказала она.

Он подошёл. Не сказал ничего. Взял её за руку. Притянул. Поцеловал.

Она сначала напряглась — удивлённо, — а потом ответила. Тихо, тепло, по-настоящему. Как в первые годы. Как до всего.

— Ты чего? — спросила она, отстранившись. — С утра пораньше?

— Ничего, — сказал он. — Просто так.

Она посмотрела на него внимательно. Долго. Так смотрят, когда хотят понять, всё ли в порядке, но боятся спросить.

— Ты в порядке?

— Да. Всё хорошо. — Он улыбнулся. — Хорошего дня.

Она покачала головой, усмехнулась, взяла сумку.

— Ладно, загадочный ты мой. Вечером поговорим.

Дверь закрылась.

Он пошёл по коридору. У комнаты Жени остановился. Дверь была приоткрыта. Дочь сидела на кровати, в наушниках, листала телефон. Не заметила. Он постоял секунду. Посмотрел на её затылок, на растрёпанные волосы, на брелок на рюкзаке — плюшевый медведь, которого он подарил ей в шесть лет. Она всё ещё его носила.

Он тихо закрыл дверь.

Заглянул к Саше. Сын ещё спал. Одеяло сползло на пол. Андрей поднял его, укрыв. Постоял. Мальчик дышал ровно. Андрей провёл ладонью по его волосам — едва-едва, чтобы не разбудить.

Потом вернулся в коридор. Постоял. Послушал тишину.

Женя вышла через десять минут — хлопнула дверью, не сказала «пока». Саша — через двадцать, молча, с рюкзаком на одном плече.

Дверь закрылась в последний раз.

Андрей стоял в коридоре и слушал тишину. Потом прошёл на кухню. На столе — чашка Светланы, недопитая. Крошки от бутерброда Саши. Ручка Жени, забытая. Он посмотрел на всё это и подумал: вот и всё. Вот и вся жизнь. Чашки, крошки, ручки.

Он не стал мыть посуду. Не стал писать записку. Просто открыл дверь на балкон и вышел.

Десять этажей. Холодный ветер. Мокрый асфальт внизу, лавочка, мусорные баки, пустая площадка.

Он перелез через перила. Посмотрел вниз. Ветер трепал рубашку, бил в лицо. Где-то далеко, внизу, лаяла собака. Дворник курил у подъезда.

Андрей закрыл глаза.

«Простите. Я не хотел, чтобы вы меня нашли. Но я не мог больше.»

Он разжал руки.

Падение длилось дольше, чем он думал.

Секунда. Две. Три.

Ветер завыл в ушах. Небо качнулось — серое, мокрое, бесконечное. Асфальт приближался — быстро, неумолимо. Он видел трещины в бетоне. Видел окурок у лавочки. Видел голубя, который взлетел в последний момент.

А потом — удар.

Не боль. Тишина. Резкая, оглушительная, как будто выключили звук.

Темнота.

А потом — солнце.

Яркое, тёплое, летнее. Оно ударило в глаза, и Андрюша зажмурился, крутя педали. Велосипед новый, синий, с блестящим звонком. Отец купил вчера. «Только не гоняй сильно». Но Андрюша гнал. Ветер в лицо, улица, заборы, берёзы. Хорошо.

А потом — пустота. Как будто выключили свет. Руль вильнул. Земля качнулась навстречу.

Удар.

Темнота.

Потом — боль. Голова раскалывалась. Где-то справа — писк. Ровный, тягучий, приборный.

Андрей открыл глаза. Потолок белый, казённый. Лампы дневного света. Запах — спирт, лекарства, что-то ещё. Больничное.

Он посмотрел на руки. Маленькие. В ссадинах. Левая — в бинте.

«Чьи это руки?»

Он пошевелил пальцами. Они пошевелились. Это были его руки. Но маленькие. Как у ребёнка.

«Это не мои руки. Я не ребёнок. Мне сорок два.»

Но это были его руки. Он чувствовал их. Мог сжимать. Разжимать.

— Андрюша? — раздался голос.

Он повернул голову.

На стуле сидела женщина. Молодая. Лет тридцати с небольшим. Светлые волосы, усталые глаза. В руках — платок, который она теребила.

Мама.

Молодая.

Он смотрел на неё и не понимал.

«Это не мама. Мама старая. Мама седая. У мамы палочка. Мама живёт в нашем старом доме. В частном секторе. С отцом. Я был у неё в прошлое воскресенье. Она сидела напротив,

в старом халате, с палочкой. Смотрела, как я пью чай. И всё повторяла: Ты не бережёшь себя. Я же вижу.»

А эта женщина — молодая. Он не знал, сколько ей лет. Не мог знать. Но она была молодая. Лет тридцать. Может, тридцать пять. Светлые волосы, гладкая кожа, никакой седины. Живая.

«Это не может быть мама. Мама не может быть молодой. Мама старая.»

Но это была она. Он узнал. Глаза. Голос. Руки.

«Что происходит?»

— Ты как, сынок? — она наклонилась. — Голова болит?

Андрей открыл рот. И услышал тонкий детский голос:

— Мам?

Голос был не его. Тонкий. Детский.

Он замолчал.

— Слава Богу, — сказала мама. — Ты нас так напугал. Упал с велосипеда, ударился.

Врач сказал — сотрясение. Но ничего страшного, пройдёт.

Он смотрел на неё. На её лицо. Молодое. Живое.

«Это не сон. Сны не такие. Сны не пахнут. Сны не болят.»

— Где я? — спросил он. — Что это? Почему я здесь?

Она наклонилась.

— Ты в больнице, сынок. Ты упал. Ударился головой. Не помнишь?

Он не помнил. Он ничего не помнил.

— Какой сейчас год? — спросил он.

Она замерла.

— Что?

— Год. Какой сейчас год?

— Девяносто первый, — сказала она тихо. — Август.

Он закрыл глаза.

Ему семь. Он в больнице. Сотрясение.

«Что это? Сон? Кома? Смерть? Или — правда? Если правда — то как? И зачем? И что мне теперь делать?»

Он лежал и слушал писк прибора. И ничего не понимал.

— Мам, — сказал он тихо.

— Что, сынок?

— Я, кажется, очень сильно ударился.

Она погладила его по голове.

— Ничего, сынок. Врач сказал — молодое, заживёт. Ты у нас сильный. Справишься.

Он кивнул. Посмотрел в окно.

За окном — больничный двор. Клён под окном. Высокий, с резными листьями. Забор.

Пустая скамейка.

Август 1991 года.

Он лежал и смотрел в потолок. Потом закрыл глаза.

«Я здесь. Почему?»

Ответа не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.